

Артем Рыжун, Константин Южанинов

**Для кого и для чего сегодня существует социология в России?
Каково «публичное лицо» современной российской социологии?**

По-видимому, единого социологического сообщества, объединённого общими идеями, парадигмой и этическими нормами, в современной России не существует. Условно можно выделить несколько «виртуальных социологических сообществ», границы деятельности которых, впрочем, пересекаются.

Это, во-первых, сугубо академическая социология, имеющая весьма косвенное соприкосновение с реальностью, своего рода «башня из слоновой кости», узкий круг обитателей которой занят игрой в теоретический бисер. Для этой группы характерно дистанцирование от насущных проблем общественной жизни (при, вполне возможно, ответственном отношении к ней) и ориентация на сообщество себе подобных, т.е. рафинированную академическую публику.

Вторая виртуальная группа – это коммерческая социология, связанная со сферой маркетинговых исследований, определённой части политических исследований и т.п. видов деятельности. Определяющей здесь является ориентация на заказчика, но как один из информационных ресурсов такая социология может оказывать влияние на заказчика, а через него и на состояние социальной реальности. Отметим, что в первом и втором случаях мы имеем дело с честной социологией. Честность обусловлена, в первую очередь, профессионализмом и трепетным отношением к собственной репутации.

Третья группа – это «сервильная социология». Главная её роль состоит в удовлетворении потребностей влиятельных агентов, прежде всего властных. Такая социология связана с исполнением разного рода манипуляций с общественным сознанием и, таким образом, являет собой искажённую публичность по преимуществу. Искажённую, поскольку общественного мнения не отражает.

Есть ещё четвёртая группа – квазисоциология. Это субъект сугубо ритуалистского действия, имитирующего как традиционные методы и формы социологической деятельности, так и заинтересованность социальными проблемами. Для этой группы характерны, во-первых, попытки создания новых глобальных социологических теорий, во-вторых, связанное с этим стремление к автономизации (фактически изоляции) от мирового научного сообщества, обусловленное как фобиями, идущими от советских времён, так и элементарным незнанием достижений современной мировой социологии. Названные сообщества при всех различиях объединены общим дистанцированием от социальной реальности как таковой, то есть от публичности.

Рассуждая от противного, вся остальная социология является публичной (не в том смысле, в котором использует этот термин Майкл Бура-

вой). Публичность понимается нами как сфера прозрачного и свободного взаимодействия социальных сил любого типа – рыночных, политических, культурных и на любых уровнях – частной ли жизни или организационной. Для публичной социологии характерна ориентация на актуальные социальные проблемы (не обязательно имеющие широкую непрофессиональную аудиторию) с сохранением теоретической фундированности. Для всех её представителей (даже для сугубо отраслевых социологов) характерно выраженное чувство социальной ответственности, как в узкопрофессиональном, так и в широком социальном аспектах. Чувство ответственности оказывает влияние на дискурс публичной социологии, минимизируя его (дискурса) эзотеричность. Устремлённость к социальной реальности порождает ориентированность на позитивные социальные изменения и стремление каким-то образом способствовать их осуществлению. Особенностью данного типа социологии является стремление к сохранению (обеспечению) максимальной открытости коммуникативного пространства дисциплины: как через развитие контактов с мировой социологией, так и через расширение инструментального и методологического арсеналов, междисциплинарный диалог и расширение форм социального участия.

Майкл Буравой разделяет академическую, критическую, прикладную и публичную социологию по типам основных задач и аудиторий, или потребителей социологической информации. Какое разделение труда сложилось в современной отечественной социологии? Какую бы классификацию предложили вы? Чем различаются между собой эти виды социологического труда?

В какой-то степени мы ответили на этот вопрос в предыдущем пункте, поэтому добавим небольшой комментарий.

Представляется, что классификация М. Буравого отражает прежде всего опыт и историю западной социологии и может быть адекватно понята в их контексте. Так, термин «критическая социология», который следует интерпретировать предельно широко в российском контексте (а возможно даже, рассматривать как своего рода императив) в рамках западной социологической традиции прежде всего связан с марксистским влиянием и ролью Франкфуртской школы. В советских условиях традиция критической мысли имела, разумеется, марксистские проявления, но они, скорее были исключением, а не правилом. Поэтому приравнивать критическую социологию и марксистскую традицию для российского читателя значит серьёзно сбить его с толку.

Что, с вашей точки зрения, входит в сферу публичной социологии? Как бы вы определили границы этого направления?

Вопрос сложнее, чем он кажется. Можно ли считать социально ориентированной (публично ориентированной) «Структуру социального действия» Т. Парсонса? Эта работа написана в годы взлёта тоталитарных режи-

мов, но напрямую не связана с политической тематикой. В то же время, по мнению ряда исследователей (в частности С. Сидмана (Seidman)) работа представляет собой попытку глубокой и удачной рефлексии в отношении одного из наиболее базовых понятий Западной интеллектуальной культуры, прояснение статуса которого не может не способствовать решению актуальных социальных и политических проблем. «Наведи порядок в собственном доме (в голове), прежде чем учить других как им следует жить», таков мог бы быть девиз этой работы, обращённый к «востроглазым обществоведам» (выражение З. Баумана). Иными словами, публичная социология, безусловно, должна включать обсуждение и анализ значимых социальных проблем. Однако: оценка проблем в качестве значимых профессиональным сообществом и широкой публикой (корректнее – заинтересованными группами, совокупно конституирующими широкую публику) может различаться. Здесь важно сохранение баланса между правом и обязанностью на привилегированное суждение, присущими социологу как профессионалу, с одной стороны, и его восприимчивостью к позиции непрофессионала как полноправного социального актора, а значит и партнёра по диалогу, с другой.

Представляется возможным обозначить несколько уровней (измерений, ипостасей) публичности. Например, есть некая социальная проблема, но значимость её ясна только для эксперта. Для обретения ею статуса важной социальной проблемы её нужно артикулировать, актуализировать в общественном сознании. Например, это СПИД, социальное участие некоторых депривированных групп (в частности, инвалидов). Это один уровень публичности.

Второй уровень связан с формированием некоего единого символического (когнитивного) пространства, включающего общие смыслы, понятные как профессионалам, так и широкой общественности. Такие смыслы могут касаться, например, тенденций социального развития, также неочевидных для здравого смысла, но не недоступных ему. Формирование этого уровня представляется одним из важнейших условий реализации того, что Гидденс, Бек и Лэш обозначили как «рефлексивная модернизация».

Если следовать имплицитной логике нашего рассуждения, третий уровень публичности состоит в подготовке компетентных акторов социальных трансформаций и определению их приоритетов. Место социологии здесь может быть различным: от учебной дисциплины до социального проектирования и политического консалтинга самого высокого (как у сэра Энтони Гидденса) уровня.

По отношению к каким (какого рода) темам/проблемам публичная социология сегодня возможна и необходима? Какие техники и методы в рамках публичной социологии больше подходят для разработки тех или иных проблем?

Сердце болит при попытке ответить на первую часть вопроса. Что же касается методов и техник, то, как выразился Дж. Скотт, «каждый волен выбрать ту социологию, которая ему по душе, для которой он больше при-

способлен». В этой связи, предпочтительность техник и методик представляется скорее вопросом внутренней кухни и характера изучаемого объекта. Что же касается презентации результатов, то при условии ориентации пишущего социолога на интеллигентность и читабельность, и количественные и качественные методики могут дать одинаково внятный результат. Есть, однако, кое-какие соображения о предпочтительности. Как показывает иностранный опыт, значимые количественные исследования возможны и наиболее выигрышны при двух условиях: во-первых, стабильности социальных процессов и, во-вторых, наличии больших баз данных, содержащих результаты лонгитюдных исследований, длящихся десятилетиями и открытых для вторичного анализа. Такова одна из особенностей американской социологии. Разумеется, можно заниматься количественной социологией и в других условиях.

Теперь попробуем вернуться к тематизмам. Целесообразно сформулировать вопрос «от противного». По-видимому, только проблемы внутренней кухни общественных наук, связанные с методиками, методологией и метатеоретической рефлексией не могут стать предметом публичной социологии, поскольку представляют интерес только для узкого профессионального сообщества. Разумеется, условием публичного обсуждения является и отсутствие внешних преград, табуирования каких-то тем. Из набора «на вскидку» назовём такие темы как «Россия без нефти» (тема явно междисциплинарная и не очень новая, но далеко не закрытая), «общественный договор и условия социальной солидарности», «источники социальной власти», «трудовые мигранты в современной России».

Вправе ли социология влиять на общество, участвовать в жизни социальных групп, инициировать социальные изменения и каковы пределы этого влияния?

Основания для положительного в целом ответа содержатся в ответе на вопрос о том, что входит в сферу публичной социологии, где мы попытались выделить несколько ипостасей, измерений публичности. Но вопрос в том, кто претендует на роль агента влияния, инициатора социальных изменений? Одна из тенденций последнего времени заключается в попытках (и весьма активных) сделать социологию инструментом манипулирования массовым сознанием, каналом идеологического воздействия и обоснования/оправдания действий тех или иных структур, выстроить социологов в дружную колонну, идущую под общим знаменем. (Выше мы говорили о феномене сервильной социологии).

Можно ли говорить о своего рода «публичном повороте», о преодолении «кабинетной» работы в современной отечественной социологии (антропологии, культурологии, социальной науке в целом)? Если да, то насколько эта тенденция глубока, в какой степени затрагивает практики социологического исследования и письма? Если нет – почему?

Вероятно «да», говорить можно. Но эта тенденция проявилась не в последние годы, а пожалуй уже в начале-середине 1990-х. Её составляющие, на наш взгляд – организации кафедр социологии и социологических отделений в провинциальных университетах, перевод хорошо написанных учебников, вводных текстов (вроде П. Бергера «Приглашение в социологию», «Лодка на аллеях парка» П. Монсона), монографий и сборников интересных не только профессиональному социологу («Начала» и «Социология политики»), подготовка хороших (хорошо написанных) отечественных учебников, монографий и статей (не приводим примеры). Читали их, в основном, представители академической среды и сейчас такое положение сохраняется, но учитывая популярность высшего образования и то обстоятельство, что через социологические курсы с хорошей и актуальной социологией знакомятся многие, оно (положение) неплохое. Практики письма данная тенденция затрагивает напрямую. Ещё лет пять назад один из моих студентов (заочник, специальность «государственное и муниципальное управление») пришёл сдавать долги и принёс с собой Гидденса, говоря, в полном восхищении: «я её читал как художественную литературу». Такие образцы и их тираж обязывают. Практики исследований... Здесь тенденция не столь устойчивая. Есть публично-ориентированные социологические локусы, как столичные, так и региональные. Есть эзотеричные, есть сервильные. В целом, для развития публичной – ориентированной на широкую публику, интересной и понятной для неё социологии нужны и благоприятные внешние условия...

Какой вам видится роль публичной социологии ближайших десятилетий?

На уровне мировой социологии она останется достаточно актуальной, о ней будут по-прежнему активно писать и активно ею заниматься. «Ею», то есть, такими, например темами, как неравенство, включая глобальное, власть, безопасность, риски...

Роль может быть скорее интерпретативной (в рамках Баумановской дихотомии законодательного и интерпретативного), а место двояким: по-прежнему возле центров власти, но через non-fiction социология (имеется ввиду прежде всего исследовательская социология) начнёт проникать и к локальной аудитории, таким как местные общины, коллективы предприятий. Не обязательно это будут сугубо социологические проекты, это могут быть корпоративные издания, в подготовке и организации которых участвует социолог.

С методологической точки зрения социолог должен быть готов к тому, что его экспертная позиция будет восприниматься аудиторией не как априорно привилегированная и ему нужно будет доказывать право на внимание, в том числе и через внятные темы и манеру подачи. Непростой, но неизбежной задачей останется повышение социологической культуры широкой публики. Подтягивать её к уровню профессиональной социологии и тематически и терминологически сложнее, чем следовать противоположной стратегии, но более правильно.

Ольга Шевченко

Для кого и для чего сегодня существует социология в России? Каково «публичное лицо» современной российской социологии?

Начну свой ответ с краткой автобиографии, без которой, как замечал, среди прочих, Пьер Бурдьё, невозможно понять позицию говорящего, и, таким образом, интерпретировать высказанные положения. В 1996 году я окончила социологический факультет МГУ, и на следующий же год уехала продолжать образование сначала в Варшаву, на социологический факультет Центрального Европейского Университета, а потом – в США, Пенсильванский Университет. Окончив его, я сейчас преподаю социологию в Вильямс Колледже. Другими словами, мой взгляд неизбежно оказывается немного со стороны. Однако мои академические интересы связаны с Россией (я занимаюсь повседневностью, семейной фотографией и поколенческой памятью о советском времени); мне интересны и ценны работы моих коллег, и я достаточно пристально слежу за русскоязычными публикациями. Кроме того, моя профессиональная траектория во многом складывалась как реакция на структуру возможностей, которые мне виделись в российской социологии. Из-за всех этих факторов я надеюсь, что какие-то из нижеизложенных соображений могут оказаться интересны для участников этого круглого стола.

Тот ракурс, под которым я видела социологию по окончании МГУ во многом был связан с особенностями истории и организационной культуры социологического факультета, находившегося тогда, так же как и сейчас, под руководством Владимира Добренькова. Большая часть преподавателей уже тогда либо не занималась оригинальными исследованиями, либо не считало нужным "инициировать" в этот процесс студентов (я говорю об общей тенденции, осознавая несправедливость такого освещения ситуации по отношению к тем преподавателям, которые шли против течения и прилагали максимум усилий, чтобы культивировать в своих учениках дух социологического воображения. Насколько я знаю, большинство из них на настоящий момент покинули факультет). Студентов тренировали на некритическое воспроизведение чужих текстов (компиляцию прочитанного под видом "реферата", пересказ содержания учебников – практики, социализировавшись в которые, действительно невозможно понять, что предосудительного может быть в плагиате). Социология отождествлялась с широким набором областей, в отношении которых вообще-то более уместной была бы рефлексия и проблематизация: маркетинг, реклама, управленческое и политическое консультирование. Думаю, что мой опыт был весьма специфическим. Обучаясь я в ВШЭ или в ГУТНе несколькими годами позже, я бы, безусловно, имела более оптимистические представления о состоянии современной социологии, и дело тут не только в определяющей силе первого впечатления (хотя сбрасывать это соображение с весов нельзя). Просто некоторые вещи лучше